

К ВОПРОСУ О ХРОНОТОПАХ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА»

Павельева Анна Константиновна,

к. филол. н., доцент, доцент кафедры
германской филологии и перевода
Национального университета
«Полтавская политехника
имени Юрия Кондратюка»

Особенности художественного времени в повести «Майская ночь, или утопленница» подчеркиваются уже самим ее названием, ведь, выбрав его, автор подчеркнул, что временная протяженность событий, описанных в повести, имеет особое значение, так как суточное время – ночь – пора господства тайных сил. У Гоголя это время фантастическое, время чудес, ведь именно ночью утопленницы водили хороводы, покойник с галушкой в зубах «таскался» к покойной теще винокора т.д.

Хронотоп ночи у Гоголя один из самых сложных. В нем сливаются восдино космическое, суточное, календарное, мистериальное, идиллическое время с пространством открытым, земным и космическим, реально видимым и воображаемым, близким и удалённым. Образ времени и пространства украинской ночи в гоголевской повести «оживает», приобретая черты полноценного «персонажа»: «необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. Тихи и покойны эти пруды; холод и мрак вод их угрюмо заключен в темно-зеленые стены садов. Девственные чащи черемух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный ветреник – ночной ветер, подкравшись мгновенно, целует их. Весь ландшафт спит. А вверху все дышит, все дивно, все торжественно. А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдруг все ожило: и леса, и пруды, и степи. Сыплется величественный гром украинского соловья, и чудится, что и месяц заслушался его посереде неба... [1, с. 50 – 51]. Ночь, которую видит Левко во сне, кажется еще более очаровательной: «ночь казалась перед ним еще блистательнее. Какое-то странное, упоительное сияние примешалось к блеску месяца. Никогда еще не случалось ему видеть подобного. Серебряный туман пал на окрестность.... [1, с. 62].

Повесть «Майская ночь, или утопленница» открывается *хроникально-бытовым хронотопом* – описанием так называемой «улицы». Это молодежные гуляния вроде «вечерниц», только под открытым небом. Продолжались они приблизительно с 7 и до 10-11 вечера, весело и с музыкой. Пора «улицы»

начиналась с ранней весны и до поздней осени, когда с приходом холодов гуляния («вечерницы») переносились в хату. «Звонкая песня лилась рекою по улицам села ***. Было *то время, когда* утомленные дневными трудами и заботами парубки и девушки шумно собирались *в кружок, в блеске чистого вечера*, выливать свое веселье в звуки, *всегда* неразлучные с уныньем» [1, с. 45], – пишет Гоголь. Изображаемое мыслится автором как существующее *всегда*, поэтому хроникально-бытовой хронотоп обладает большой степенью абстрактности. Хотя место действия точно не названо или вымышлено (село ***), в повести создан образ *универсального* или *всеобщего пространства*, который, несомненно имеет реальный аналог: это обобщенный образ «малороссийского» села со всеми его постройками, жителями, обычаями и нравами. Тем не менее, принимая во внимание народные традиции, мы можем с уверенностью сказать, что это время, около 8-9 часов вечера, когда «парубки» и «дивчата» собирались после рабочего дня на отдых – «в блеске чистого вечера» это. То есть зная *календарное время* (май) и время захода солнца в этом месяце, можно вычислить, когда начинается *фабульно-сюжетное время*.

Хроникально-бытовое время (изображение уклада жизни украинского села) воспроизводит в данной повести не динамику, а статику. Это и свидания в саду, и «улица», и проделки парубков, и манера поведения головы с односельчанами и односельчан с ним, и его вечные пересказы проводов царицы: «и с той поры голова, об чем бы ни заговорили с ним, всегда умеет поворотить речь на то, как он вез царицу и сидел на козлах царской кареты [1, с. 52]).

Суточное время у Гоголя имеет ярко выраженную характерность – переходы из временного плана в пространственный: «... задумавшийся *вечер* мечтательно обнимал синее небо, превращая все в неопределенность и даль» [1, с. 45]. Ганна выходит из хаты «обвитая сумерками», а «сизый туман» «одевает» винокура. Эти примеры говорят о том, что пространство у Гоголя также обладает повышенной насыщенностью.

Следует заметить, что пространство Украины у Гоголя замкнутое: «...необъятно синело теплое украинское небо, завешенное снизу кудрявыми ветвями...» [1, с. 48]. То есть украинское небо мыслится как купол, накрывающий благодатную землю. Так, еще в повести «Сорочинская ярмарка» Гоголь описывает небо, как «голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землю» [1, с. 11]. В обоих случаях наблюдается также авторская интенция расширить границы этого замкнутого пространства (небо – необъятное и неизмеримое). Но это пространство не бесконечно и досягаемо: «задумавшийся вечер» и лес «обнимали» небо. В повести «Сорочинская ярмарка» Гоголь называет небо океаном, а в повести «Майская ночь, или утопленница» пруд сливается в поцелуе с ночным небом, преобразовываясь в единое *фантастическое пространство*.

Пространство повести в мифологическом смысле трехуровневое. Это земной мир людей, мир божественный – небесный и мир подводный – inferнальный. Изображение «человеческого пространства», в противовес «водяному» (нечистому пространству утопленниц) даётся в зеркальном отражении. Левко и Галя смотрят на небо, а оттуда «ангелы божии поотворяли окошечки своих

светлых домиков на небе» и глядят на них. К тому же, Левко косвенно подтверждает близость этих пространственных пластов историей о том, как перед светлым воскресеньем архангелы ставят для Бога лестницу, которая тянется от неба до земли. При этом «все нечистые духи полетят стремглав и кучами попадают в пекло», то есть в подземное пространство. В данной повести роль «низшего уровня» исполняет пруд.

Повесть «Майская ночь, или утопленница» характеризуется изображением «*параллельных пространств*». В то время, как Левко с Ганной любуются звездным небом, Каленик заблудился и был направлен в хату головы. В то время, как парубки перседевались и разучивали срамную песню про голову, тот заканчивал свой ужин с винокуром. Пока Левко с товарищами проказничали, убегали от головы и десятских и пока парубок во сне помогал утопленнице, Ганна безмятежно спала, облокотившись на подоконник. Смысл времени суток в повести индивидуализирован и варьирован: девушка сладко спит, в то время как представителей власти и парубков ночь пролетает в маскараде и погонях, пьяный Каленик все шатался по селу.

Подверженность пространства нечистой силе в этой повести увеличивается. Выясняется, что ведьма может «портить» не только бытовое, «человеческое» пространство, но и мифологическое (подводное) пространство неуспокоенных душ. «Сотникивна» не может из-за неё свободно плавать, а тонет и падает на дно. Если в повестях «Сорочинская ярмарка» и «Вечер накануне Ивана Купала» нечистая сила деформировала только земное и воздушное пространство, то в данной повести ведьма негативно влияла и на подводный мир утопленниц.

Изображение *субъективного времени* персонажей – Ганны и Левка – позволяет автору индивидуализировать героев, показать их темперамент и характер. Так, Левко говорит Гале: «мне и часу не видать тебя горько». Девушка укоряет его в нетерпеливости и вспыльчивости: «уже и рассердился». В то же время она тоскует, «*два месяца только* в стороне родной, и уже соскучилась» [1, с. 47]. Галя не спешила выходить к возлюбленному, который томился неизвестностью. Они по-разному воспринимают время. Здесь наблюдается связь между интенсивностью бега времени в глазах героев и их душевным состоянием – страстной влюбленностью Левка, и спокойной влюбленностью Гали.

Фабельно-сюжетное время имеет двойственный характер. Это тёплая майская ночь и ночь, когда «давно» в заброшенном, обросшем мхом доме жил сотник с дочерью. В рассказе Левка наблюдается динамизация времени, подчеркивающая трагичность судьбы «сотникивны», злобность её мачехи-ведьмы и силу её чар. Так, автор только упоминает о том, что в первую *ночь* после свадьбы (в мистическое, бесовское время) молодая жена сотника превратилась в кошку и попыталась задушить свою падчерицу. *Два дня* она не выходила из светлицы. На *третий день* появилась с перевязанной рукой, на *четвертый* – отец запретил дочке появляться в панских покоях, а на *пятый* день он уже выгнал её из дому, и «сотникивна» утонула. То есть, с начала деформации ведьмой *идеального семейного пространства дома* сотника до момента его полного разрушения прошло всего *пять дней*.

«С той поры» панночка «всякую ночь» собирает утопленниц и угадывает среди них ведьму. Таким образом, эти два пласта сюжетного времени (настоящее для Левка и Ганны и давнее прошлое, когда произошла эта история) сливаются в фантастическом времени майской ночи.

В отличие от повести «Сорочинская ярмарка», где *мотив порога* означает переход Параски в новую, счастливую жизнь, в повести «Майская ночь, или утопленница» порог является барьером между надежным пространством дома, и небезопасным – улицы. Так, переступая порог, Галя вынуждена терпеть поцелуи парубков и признания головы; а свояченица дважды оказывается схваченной и запертой.

Хронотон дороги в данной повести выполняет дескриптивную функцию. Он намеренно «растянут» для описания событий, происходящих в то же время в другом месте и для характеристики героев. После того, как Левко уходит домой, к его Ганне приходят другие ухажеры. В то время как Каленик добирается к хате головы, повествователь успевает описать это «важное лицо на селе». Рассказчик сознательно «растягивает время», знакомя читателя с сельским головою: «покамест Каленик достигнет конца пути своего, мы, без сомнения, успеем кое-что сказать о нем» [1, с. 52]. Нужно заметить, что пьяный мужик был недалеко от дома головы, на который ему указали «дивчата», и идти к нему было, несомненно, недолго. Но повествователь успел охарактеризовать за это время полжизни сельского головы: «Но мы почти все уже рассказали, что нужно, о голове; а пьяный Каленик не добрался еще и до половины дороги...» [1, с. 52]. Пьяному мужику этот недолгий путь показался чрезвычайно длинным: «Вишь, как *растянул* вражий сын, сатана, *дорогу!* Идешь, идешь, и *конца нет!*» [1, с. 56].

Мотив сна играет в данной повести особую роль. Во сне пространство изменилось до неузнаваемости, заброшенный господский дом предстал перед Левком новехонькой постройкой, «в каком-то ясном величии». События, происходящие во сне, сопровождаются дымкой, пространственной вуалью. Вся окрестность была окутана «тонким серебряным туманом», а что касается утопленниц, то «тело их было как будто сваяно из прозрачных облак и будто светилося насквозь при серебряном месяце...» [1, с. 64].

Сон в повести «Майская ночь, или утопленница» является не просто иным, ирреальным пространством, реализующимся только ночью. Сон у Гоголя «пропитан» подсознательным. Во сне сбывается самое сокровенное желание Левка: он получает записку от комиссара, которая способствует его скорой женитьбе. В то же время, со сном в этой повести связаны мотивы отмщения, воцарения справедливости. Так, мачеха-ведьма, долго мучившая «сотниковну», наконец была наказана, и душа утопленницы обрела покой.

Следует отметить, что сон Левка заканчивается в полночь. Полночь – апогей в деятельности нечистой силы, время, которому приписывалась особая мистическая значимость. Примечательно, что как раз в это время бесы начинали шалить, а приключения парубка закончились до наступления этих таинственных минут. Это подчеркивает «безгрешность» Левка, его бескорыстность. В отличие от Петруся (героя повести «Вечер накануне Ивана Купала»), который в полночь пустился искать соковища, Левко расстался с утопленницами до полуночи и не

просил у них выгоды для себя. Таким образом, читатель может быть уверен в чистом и безмятежном счастье Левка и Ганны (в противовес добытому нечистыми способами благополучию Грицька и Параски или Петруся и Пидорки). Настоящее время как бы предвещает героям счастливое будущее.

Примечательно, что *мотив сна* у Гоголя также очень сложен. Герою не просто привиделись чудеса, но пространственные преобразования он увидел в пруду. Красавица-утопленница также является парубку сначала в зеркальном отражении, когда Левко любит её отображением в воде. Таким образом, автор плавно вводит в повествование *ирреальное мифологическое пространство* – владения низших мифологических существ (вроде водяных и русалок) и духов.

Новаторство Гоголя в пространственно-временной сфере имеет разнообразные формы выражения. *Художественное время* повести *завершенное*. Повесть заканчивается не просто победой героя или обещанной свадьбой, но блаженным сном: «...через несколько минут всё уже уснуло на селе», кроме пьяного Каленика, пытающегося найти свою хату. Ирреальное, мифологическое время переходит в суточное в традиционном его значении – ночь как время отдыха и успокоения.

Среди хронотопических мотивов и образов в повести следует выделить также *хронотоп дороги*, *хронотоп садка*, являющегося местом свиданий, *хронотоп окна* (у окна Левко умоляет Ганну выйти к нему и в окне появляется красавица-утопленница). *Хронотоп двери* является символом ограждения от опасности. Например, Ганна захлопывает дверь перед парубками, а голова – перед свояченицей, принятой за сатану. Примером хронотопа является *дверная ручка*, которую боится выпустить из рук робкая Ганна и которую быстро и ловко поворачивает хитрый голова, изловчившись таким образом поймать проказника в вывороченном тулупе. Перечень хронотопов повести будет неполным без *хронотоп пруда* (угрюмого и унылого пристанища утопленниц) и *заброшенного дома* (места злодеяний ведьмы и тоски «сотниковны»).

Литература:

1. Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. – Харьков: Прапор, 1987. – 347 с.
2. Бовсунівська Т. В. Містична каузальність гоголівських сюжетів / Тетяна Володимирівна Бовсунівська // Українська мова та література. – 1999. – № 12. – С. 6 – 7.
3. Бондаренко Ю. Хронотопічний аналіз тексту у світлі філософсько-історичних підходів до вивчення літератури / Ю. Бондаренко // Українська мова і література в школі. – 2007. – № 4. – С. 21 – 24.
4. Заманова И. Ф. Пространство и время в художественном мире сборника Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ирада Фуадовна Заманова. – Орёл, 2000. – 186 с.
5. Мацапура В. И. Н. В. Гоголь : художественный мир сквозь призму поэтики / В. И. Мацапура. – Полтава : Полтав. літератор, 2009. – 304 с.
6. Павельева А.К. Художественное время и художественное пространство в повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или утопленница». *Стратегії розвитку та*

пріоритетні завдання філологічних наук : Матеріали всеукраїнської науково-практичної конференції, 19 – 20 жовтня 2018 р. Запоріжжя : Класичний приватний університет, 2018. С. 28 – 32.

7. Павельєва А.К. Об актуальности исследования категорий художественного времени и художественного пространства в первых циклах Н.В. Гоголя. *Наука і техніка сьогодення: пріоритетні напрямки розвитку України та Польщі* : матеріали Міжнародної мультидисциплінарної конференції, 19 – 20 жовтня 2018 р. Польща, м. Воломін : Z. Gloger Wolomin International and Regional Cooperation University, 2018. Т. 1. С. 169 – 172.